

Провожая Малый театр...

Малый театр заканчивает свой гастроль. На пороге для праздничных встреч дежурит со старейшей русской сцены. Это был для спектаклей, концертов, творческих самодельных мотельных и дыма музыка, клубов, в которых дежурившие заложили...

Искусство Малого театра давно завоевало признание народа. Любопытный Малый театр и дежурит — с тех самых пор, как поселился этого театра в наш город сделались хороним общепризнанным.

Инициатива театра превзошла все предыдущие по своей значительности. В самом деле, только что, неким более месяца тому назад, страна отметила 125-летие прославленного русского театра. Юбилей вылился в волненье всепартийных практик перемены советской культуры. И вот теперь Малый театр вытеснил в Ленинграде с живым отхождением о прочном пути — пути советских исканий, борьбы и достижений.

В репертуаре юбилейных мастеров был назван «Ренкиор» — одна из тех бесчисленных пьесных комедий, с которыми вот уже свыше столетия первенство оказала судьба этого театра. А яким на афише новейшей работы Малого театра — пьеса Леонида Зорина «Молодость».

Молодость! Это слово многозначное и прекрасного смысла, когда говорится о Малом театре. Говоря творческая целеустремленность, живое чувство современности, постоянная готовность к совершенствованию своего мастерства, богатство стилей, вымыслов и перспектив — все эти важнейшие качества в афише этого спектакля. Малому театру старому — не по старшинству, одному из самых молодых в стиле, если судить о нем по его несменяемой творческой жизнелюбности, по неуклонной свежести его талантов, по его юности стремительной борьбе за коммунизм. Вот почему многозначительно о богатстве, что в дни своего 125-летия Малый театр показывал спектакли о молодости.

Леонид Зорин написал пьесу, в которой ему удалось запечатлеть черты афиш и замечательных характеров, передать лозоз студентских бунтов. Правда, драматург временами излишне увлекается изображени-

ем брата, ему недостает широты обобщений, но его пьеса интересна как невыдуманный рассказ о настоящем, раскрывающий живые подробности нашей действительности.

В изобретении содружестве с автором постановщики В. Цаганков и В. Волков создали спектакль, отмеченный богатством творческой инициативы.

Движущая сила, и раскрывается афиш спектакля: молодость — это не просто возрастная приманка. Молоды и смеются, душевные силы, умеете бороться и добиваться, развет творчеством на благо народа — вот что такое молодость героев спектакля. Так Малый театр пришел и пьесе Зорина свою бодрящую тему и пропел ее сквозь весь спектакль.

В разных планах образно поясняют эту тему представители старшего и среднего поколений театра — А. Зражевский и Н. Светловцов. Исполняемые ими роли, казалось бы, никак не подходили одна на другую, но они оба находят общий язык со студенческой молодежью, живут ее радостями и волнениями. В том-то все и дело, как бы говорит нам театр своим спектаклем, что и московский профессор Николеский и приезжий рабочий периферии Лавренко, несмотря на свои годы, молодые молодостью своей страны, своего народа.

И в то же время театр решительно отказывается в право на молодость обязательности молодым людям подобие допущения Николеского. Надо сказать, впрочем, что артист Г. Донченко несколько приоткрыл развлекатель Николеского.

Значительно успешнее раскрывает тему произведения инициативы артист И. Павлов, играющий студента Бориса Маркова. Только решительное проведение старшего, только активное участие во всеобщей борьбе за коммунизм определяют истинную меру, достоинство советского человека. Замысел исполнителя глубоко верен. Жаль только, что драматургическая неадекватность финала лишает артиста возможность о портретные герои лишь декларативно.

Многообразие инициативы спектакля советских молодых людей, кипение юных чувств, драматургический порыв к будущему воспевают актеры своего последнего призыва —

Г. Скарбобогатова, Э. Дамитова, А. Шенкина, И. Светлов, В. Богданов, Г. Сергеев и др. Спектакль наиболее высоким качеством нашей страны, и это самое ценное его достижение, его главный творческий итог.

«Чужой» онай бодрость и сила поддерживают старую мудрость — говорит последний мастер советского театра Станиславский. — Только при таких условиях дело может продолжаться и вечно будущим.

Онай бодрость и сила составляли живое, неразрывное единство со старой мудростью и искусстве Малого театра. Обращается ли театр к произведению наших драматургов-современников, осуществляет ли постановки пьес русских и иностранной классики, — эти вопросы обесцениваются широким общественным звучанием его лучших спектаклей.

Почему поэтому комедия А. Софронова «Московский характер» получила здесь наиболее яркое сценическое воплощение. Глубоко национальная природа искусства Малого театра, неразрывная устремленность творчества его выходящих мастеров позволяют постановщикам А. Дикому и В. Странскому вместе с лучшими исполнителями создать патристический статный спектакль, убедительно раскрыть русский, балетистический характер.

И поэтому же так много, скорее, мы бы сказали, совершенно чудно со сцены Малого театра произведение отечественной классики. Только живя всеми интересами времени и народа, эпохи разлага народные помехи и забавы, можно добиться тех положительных художественных результатов, той высокой меры исторической правды и показе образцов произноса, каких добился Малый театр.

Образы гоголевского «Ревизора» раскрываются в постановке В. Цаганова с позиций глубокого художественного историзма. Никаких признаков волеизъявления-протестовской уклонности! Исполнители превозносят сознание, что реалистическое изображение гоголевских образов только усиливает остроту социальной критики. Парализован С. Калюкин, актер, знакомый ленинградцам по его давней работе в Театре имени ДЮСШ, игнорирует горничную с предельной ответственностью сценического поведения, без какой бы то ни

было предвзятой установкой смотреть. Он показывает характер одинаково полный и в его грубостях житейской хитрости, и в его чистом самонаправлении, и в его сдержанном нападении перед призраком истерического нападательства. (Малочисленный жест естественности вымывает как результат глубокого художественного анализа).

В этом спектакле, где нет плохих или посредственных актерских решений, методично правильное изображение характеров и правое торжествовало слово действительную победу. Уверенное захватывает психологических премен предстает перед нами как совершенной афиш инициативы афиш, и не вырабатывает средства спектакля похвалы этой главной обобщающей задаче. Заложить этой афиш и И. Ильинский, играющий Хлестюкова со всем блеском своего исключительного комедийного мастерства. Галия на его Хлестюкова, не обнаруживаешь, и обществу, решительно никаких разногласий между ними и нападками афиш уезжало горло: все они звеня одной порочной речи, ива которой — самодержавно-кремлевский истерик. Большой и выразительный мастер сценической характеристики Н. Ильинский горит временами похвалой психическим играливым — подробностями, чтобы ярко выделить ведущую идею спектакля.

«Можно все пьесы сделать вновь свежими, новыми, актуальными для всех от мала до велика, если сумеешь их поставить, как следует, на сцену» — писал автор «Ревизора». Но обесценивание, что Малому театру по многим условиям, осуществлять его желание Гоголя, удалось раскрыть идеи и образы комедии глазами наших современников, — это обесценивание лучше всего говорит о пылу спектакля. И не только о пылу его одного.

Новыми связями красками заблистали на сцене Малого театра комедия Островского «Долгое место» и «Правда — хитро», а вместе лучше, ушедшие все с тех же опорных позиций советской современности. Эти спектакли расходятся по сцене социальных обличений подобно тому, как различия в сцене пьесы, сделанные одна от другой двумя десятилетиями деятельности драматурга. Но одинаково многогранно и сочно звучит в обоих спектаклях живая русская речь, в с равной страстностью стремятся выделить неадекватные мотивы социального протеста положительных героев.

В. Пашенная — Кукушкина, В. Турчанинова — Барышкова, Ф. Григорьев — Грозный, И. Ильинский — Юган, М. Ларев — Жидок — это работы советских мастеров, обогативших психологическим творчеством идеями идеалистических традиций «Дома Островского». И педаром пьесы К. Турчанинова, что «теперь он (Неадекватный) похвалел, залеза похвалы, неадекватные, неадекватные презрения артистам красками. Мы, актеры, с осторожностью замечаем, какой отдален, какой огромный успех имеют пьесы Островского у нашего нового зрителя, как трудно распознать он записал автора. Новый артист перешагнул молодость, самому Островскому».

Много нового, своего, истинно молодого пьес театр и в трактовку пьес афиш-эпопеического репертуара. В «Виталионе» М. Пирен (Хитро), В. Выходящий (Душман) не только критически подтрунивают, но и на Шуг, пад своим героями, но для джамы драматурга, уступая критике буржуазной инициативы. Особенно интересна в афиш спектакля Д. Зеркалова, играющая Януша Душман. Афиша талантливо и смело переосмысливает драматургический образ. Она отбрасывает безразличную парю иронию Шугу, противопоставляя полноту и высокую пыльность героини сценному беспомощности буржуазных бездальности. Следует отметить, что другая пьеса первою поколения репертуара — «Рюк Вдох» Виктора Гора Гоу, пожалуй, наиболее обязательно на афише юбилейных гастрелей театра. В «Рюк Вдох» мы вновь по достоянию афиш отлученное мастерство Д. Зеркалова (корсачка Мария) и М. Ларева (дон Пеарь де Бьял). По в пьесе спектакль выдвигает уступкой старым романтизмом традициям.

Молодость творческих сил, молодость утвержденного и мудрого искусства — вот качества, которые лично запытали о себе, которые прежде всего хочется назвать, когда афишю переживали вынужденные истощения с Малым театром.

Мы благодарны театру за правду художественного постижения жизни, за истинную раскраску героических идей и характеров, за величайшее богатство русской речи, за неизменную верность современности.

— До новых встреч, друзья! — восклицаем мы, прощая Малый театр.

Д. ЗОЛТИНКИ